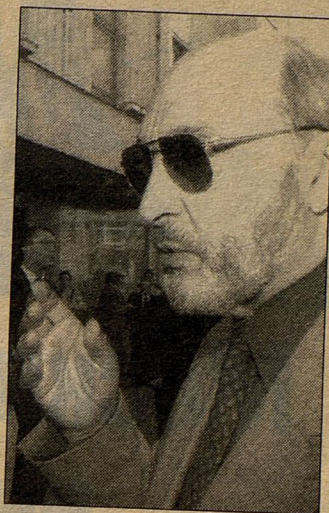

Немного великий, немного заурядный

Его не раз пытались вытянуть на публичный скандал, чувствовали, что бить можно, потому что весь — из плоти и крови, незлобен, не будет сразу и наотмашь давать отпор.

Сначала задумается: может, и в дерьме есть какой-то смысл? «В паденье не убит, из праха возрожден». Но по странному желанию Михаил Козаков всегда пытался уронить себя сам. Словно бы сам проверял на крепость свое достоинство. Сам с годами подставил к своей фамилии слово

«судьба» — большая и полновесная, и теперь он без «судьбы» никуда. Не делает себя «великим артистом», но хочет знать: а как-то быть хотя бы заурядным человеком? Поэтому от него всю жизнь отворачиваются.

Уезжает в Израиль. Приезжает из Израиля. Сразу вопрос: почему Козаков вернулся? Стал «советским» настолько, что не смог понять великий народ? Или его последнее признание, что, оказывается, он неоднократно выполнял задания КГБ, совращал американских журналисток, пытаясь выудить ценный материал. Снова повод отвернуться. Выкупаться. Пасть. Но без людей не может. Пусть падение, пусть травля, но только при людях. Не на-до одиночества, его не запьешь никакой водкой.

А одиночество нарастает. Оно подогревается образами дорогих ушедших, которые с годами становятся все ярче. Отец (писатель). Два брата. Друзья. Их начинаешь все больше любить, но, Боже мой, как опасно концентрировать в себе столько тепла! Хорошо говорить — так и дотянет до своего последнего часа. А попробуй дотянуть. Если именно сейчас, черт возьми, жив как никогда, пусть половина жизни в тумане, все эти тусовки-массовки, но есть боль за прожитое, есть страх перед одиночеством, есть тепло за близких.

Только теперь это все четко формулируется. Как же можно ставить точку, когда только-только на что-то набрел?

«Культура» 11.35 «Михаил Козаков на ТВ». Передача, посвященная режиссерским работам Михаила Михайловича.

Рассказ — 2002 — 23 септ. — С. 9.